

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-28-38

В.П. ТрыковМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Л.Н. Толстой в работах двух представителей психологической школы в литературоведении (Д.Н. Овсяннико-Куликовский и Э. Эннекен)

Аннотация. Цель исследования – на конкретном историко-литературном материале проиллюстрировать некоторые существенные сходства и различия русской и французской культуры. В статье впервые в литературоведении проведен сопоставительный анализ двух интерпретаций творчества Л.Н. Толстого, предложенных крупными представителями психологической школы в русском и французском литературоведении конца XIX в. – Д.Н. Овсяннико-Куликовским и Э. Эннекеном. Основной метод исследования – сравнительно-исторический: на основе гипотетического сопоставления двух текстов о Толстом, принадлежащих представителям разных национальных культур, предпринята теоретическая реконструкция культурной специфики. Материалом исследования стала книга Д.Н. Овсяннико-Куликовского «Лев Николаевич Толстой. Очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей» (1911) и очерк о Л.Н. Толстом в книге Э. Эннекена «Этюды научной критики» (1889). Рассмотрены предпосылки возникновения психологической школы в литературоведении. Изложена концепция «научной критики» (эстопсихологии) Эннекена, выявлена ее генетическая связь с культурно-исторической школой и отличие от нее. Показаны диалектически сложные отношения эстопсихологии Эннекена с биографическим методом Ш.-О. Сент-Бева. Отмечено, что в литературоведческих трудах Д.Н. Овсяннико-Куликовского и Э. Эннекена проявилась черта, сближающая русскую и французскую культуру: интерес к психологии, глубинам человеческой души. Сделан вывод о том, что во Франции углубленный психологизм сочетается с вниманием к форме, в то время как в русской традиции жизнь человеческой психики берется безотносительно к формально-эстетическому компоненту.

Ключевые слова: психологическая школа, культурно-историческая школа, биографический метод, эстопсихология, интерпретация творчества Л.Н. Толстого

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Трыков В.П. Л.Н. Толстой в работах двух представителей психологической школы в литературоведении (Д.Н. Овсянко-Куликовский и Э. Эннекен) // Литература в школе. 2022. № 1. С. 28–38. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-28-38

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-28-38

V.P. Trykov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

L.N. Tolstoy in the works of two representatives Psychological school in literary criticism (D.N. Ovsyaniko-Kulikovsky and E. Enneken)

Abstract. The study aims to illustrate some significant similarities and differences between Russian and French culture using specific historical and literary material. The article, for the first time in literary criticism, suggests a comparative analysis of two interpretations of L.N. Tolstoy, which are proposed by major representatives of the psychological school in both Russian and French literary criticism of the end of the 19th century – D.N. Ovsyaniko-Kulikovsky and E. Enneken. The main research method is comparative-historical: based on a hypothetical comparison of two texts about Tolstoy written by representatives of different national cultures, a theoretical reconstruction of cultural specificity is undertaken. The research material is the book by D.N. Ovsyaniko-Kulikovsky “Lev Nikolaevich Tolstoy. An essay on his artistic activity and an assessment of his religious and moral ideas” (1911) and an essay on L.N. Tolstoy in the book by E. Enneken “Studies of Scientific Criticism” (1889). The preconditions for the emergence of the psychological school in literary criticism are considered. The concept of “scientific criticism” (estopsychology) of Enneken is defined, its genetic connection with the cultural-historical school and difference from it are revealed. The dialectically complex relationship of Enneken’s estopsychology with the biographical

method of S.-O. Saint Beva is outlined. It is noted that the literary works of D.N. Ovsyaniko-Kulikovsky and E. Enneken reveal a feature that brings Russian and French culture closer together: interest for psychology, the depths of the human soul. It is concluded that in France in-depth psychologism is combined with attention to form, while in the Russian tradition, the life of the human psyche is taken without regard to the formal aesthetic component.

Key words: psychological school, cultural-historical school, biographical method, estopsychology, interpreting L.N. Tolstoy's oeuvre

CITATION: Trykov V.P. L.N. Tolstoy in the works of two representatives Psychological school in literary criticism (D.N. Ovsyaniko-Kulikovsky and E. Enneken). *Literature at School*. 2022. No. 1. Pp. 28–38. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2022-1-28-38

Психологическая школа в литературоведении (С. Жирарден, Э. Эннекен, В. Вундт, А.А. Потебня, Д.Н. Овсяннико-Куликовский и др.), как известно, сложилась в конце XIX в. Будучи логическим продолжением биографизма, психологический метод сосредоточивал внимание на личности писателя. Однако представители этого направления на первый план выдвинули не биографию писателя, а его психологический склад. Произведение для них – выражение индивидуальной психологии писателя, мира его впечатлений, мыслей и чувств. Литературное произведение рассматривалось как история души его автора. В результате такой установки литературоведение зачастую растворяется в «психологии творчества», превращается в серию психологических портретов.

Существенное влияние на формирование психологической школы в литературоведении оказал немецкий ученый В. Вундт, утверждавший особый статус психологии среди гуманитарных наук. Он рассматривал психологию как модель для остальных «наук о духе». Поскольку «явления духовного порядка характеризуются оценкой, целеполаганием и воле-

вой деятельностью... следовательно, общая наука о духе, т.е. психология, должна лежать в основе построения остальных наук о духе» [1, с. 147]. Отсюда следовал вывод, что история (в том числе и история литературы) является «прикладной психологией».

У истоков психологической школы в России стоял филолог-славист А.А. Потебня, которому принадлежали труды и по теории словесности, эстетике. В своей работе «Мысль и язык» (1862) Потебня заявлял, что литературное произведение – «проявление сложной душевной деятельности» писателя [4, с. 372], т.е. психологический склад автора является главной детерминантой произведения. Ученый мыслил литературное произведение по аналогии с языком и выделял три их составных элемента: внешнюю форму (звучание), содержание (идею) и внутреннюю форму (образ), в которой содержание находит свое выражение. Выделение Потебней в структуре слова и соответственно литературного произведения «внутренней формы» имело своим следствием отождествление художественности, поэтичности с образностью. Степень поэтичности, художественности образа определяется

не только и не столько адекватностью и полнотой выражения в нем авторской мысли, сколько способностью образа пробуждать в читателе интерпретационную активность. «Слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постигать идею его произведения. Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании. Это содержание, проецируемое нами, то есть влагаемое в самое произведение, действительно условлено его внутренней формой, но могло вовсе не входить в расчеты художника, который творит, удовлетворяя временным, нередко весьма узким потребностям своей личной жизни. Заслуга художника не в том *minimum*'е содержания, какое думалось ему при создании, а в известной гибкости образа, в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание» [4, с. 372].

В этом пассаже, с одной стороны, Потебня выступает предтечей психологической школы в литературоведении, еще раз подчеркивая, что литературное произведение – проекция «личной жизни» писателя, а с другой – задолго до возникновения рецептивной эстетики задает ее проблематику и направление мысли, признавая роль читателя как в известной степени «соавтора» произведения, или во всяком случае его активного интерпретатора.

Учеником и последователем Потебни был литературовед и лингвист Д.Н. Овсяннико-Куликовский, один из наиболее ярких представителей психологической школы в рус-

ском литературоведении. В многочисленных литературоведческих работах Овсяннико-Куликовского о русских писателях внимание ученого сосредоточено на образах персонажей. Важным конститутивным элементом его работ становятся психологические портреты героев произведений А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Неслучайно в названиях или подзаголовках работ Овсяннико-Куликовского часто встречаются слова «очерки», «этюды». Это в значительной степени действительно литературно-психологические зарисовки, где в каждом персонаже Овсяннико-Куликовский находит отражение личностных, психологических качеств автора произведения.

Остановимся на одном примере – книге Овсяннико-Куликовского «Лев Николаевич Толстой. Очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей» (1911). В предисловии автор заявляет, что «в основу очерка положена мысль о цельности и строгой *психологической* последовательности творчества Толстого...» (курсив наш. – В.Т.) [3, с. 3]. Эту психологическую последовательность, психологическое единство творчества Толстого ученый и будет шаг за шагом проследивать в книге. В ранних произведениях Толстого Овсяннико-Куликовский обнаруживает «органическую связь творчества молодого художника с его собственной душевной историей» [Там же, с. 8]. Ученый показывает, как в образах Николая Иртеньева, Нехлюдова, Оленина нашла отражение личная драма молодого Толстого, задышавшегося в рамках общественных условностей. Анализ «Войны и мира» сфокусирован на двух мужских персонажах – Андрее Болконском и Пьере

Безухове, чьи психологические портреты составляют большую часть главы о великом романе Толстого. Овсяннико-Куликовский вновь исходит из того, что в образах этих двух героев Толстой хотел «дать художественное выражение своих собственных переживаний», как раньше он дал таковые в образах Иртеньева, Нехлюдова, Оленина, а позже – в Левине» (курсив наш. – В.Т.) [3, с. 53]. Овсяннико-Куликовский всякий раз продлевает одну и ту же аналитическую операцию: он «разделяет» сложный и единый психологический мир автора между разными персонажами. Так, по мнению ученого, Болконскому Толстой передает свое честолюбие, культ долга и благородства, власть, прямолинейность, а Безухову – свойственные самому Толстому «способность к мечтательному философствованию», гуманность, «барское народничество» [Там же, с. 54–55]. Показательно, что за рамками анализа у Овсяннико-Куликовского остаются женские образы толстовских романов. Очевидно, что в них ученому сложнее было отыскать черты психологии Толстого-мужчины.

Овсяннико-Куликовский проводил четкое разграничение между мировоззрением писателя и его психологией, с одной стороны, и индивидуальной психологией автора и его психологией как представителя определенного социального класса – с другой. «Нужно отличать понятия, идеи, убеждения, идеалы человека от его психологии, а в этой последней необходимо отделять то, что принадлежит самой личности (индивидуальности) человека, от того, что ему свойственно как представителю известного класса» [Там же, с. 34]. Овсяннико-Куликовский прежде всего интересо-

вала именно психология (как индивидуальная, так и обусловленная его социально-классовой принадлежностью), а не мировоззрение автора. Так, Толстой трактуется как носитель психологических черт русской аристократии, а презрение Андрея Болконского к светскому обществу – как «инстинкт аристократа», весь роман «Война и мир» – как огромный вклад в изучение истории психологии русской интеллигенции, художественно-психологическое исследование ее душевных противоречий и конфликтов (например, конфликт между индивидуальным психологическим складом человека и психологией того класса, к которому он принадлежит). Значение «Анны Карениной» ученый видит в том, что в романе Толстой изобразил и истолковал «процессы разложения классовой аристократической психологии, наступившие вслед за великими реформами 60-х гг.» [Там же, с. 60]. В сущности, речь идет о том, что элементы индивидуальной психологии Толстого присутствуют во всех созданных писателем образах. Разница лишь в удельном весе: ранние произведения писателя – почти точные «психологические портреты» самого Толстого, в «Войне и мире», «отправляясь от себя и от своих личных переживаний, Толстой вышел на путь широкого объективного и исторического творчества» [Там же, с. 53].

Овсяннико-Куликовский был автором трехтомного сочинения «История русской интеллигенции» (1906–1911), которое принесло ему известность и в котором он на материале русской литературы прослеживал смену «общественно-психологических типов» русского интеллигента, объясняя

ее изменениями в «душевной организации поколений».

Таким образом, ученый последователен в своем движении от психологии писателя (индивидуальной или классово обусловленной) к его творчеству. Литература в трактовках Овсяннико-Куликовского утрачивает свою художественную специфику, перестает мыслиться как самостоятельный эстетический феномен, превращается в психограмму писателя, а наука о литературе – в серию психологических портретов и исследований по психологии творчества.

Видной фигурой в психологической школе французского литературоведения второй половины XIX в. был литературный критик, писатель и мыслитель Э. Эннекен. В книге «Научная критика» (1888) он выдвинул идею создания новой научной дисциплины эстопсихологии, которая должна была рассматривать произведение искусства как «знаки души художников или народов» [7, с. 3]. Синонимом слова «эстопсихология» становится у Эннекена словосочетание «научная критика», которую он противопоставляет литературной критике. Задачей литературной критики, в трактовке Эннекена, было познакомить читателей с классическими или современными произведениями и оценить их исходя либо из индивидуальных эстетических принципов критика, либо вкусов определенной социальной группы, выразителем которых он является, либо традиционных представлений об универсальных законах красоты. Научная критика, у истоков которой Эннекен поставил И. Тэна с его детерминистской концепцией «трех факторов», опирается не на субъективные вкусовые предпочтения или

эстетические взгляды критика и не на классицистские представления об универсальности законов искусства и вкуса, но на метод. Научная критика хочет не оценивать произведение, но объяснять его, используя определенные приемы научной обработки литературного материала: «Тэн анализирует и комментирует вместо того, чтобы хвалить; он излагает факты, вместо того чтобы осуждать. Он рассматривает произведения искусства не замкнутым в самом себе (“non en soi”), но как *знак* человека или народа, которых он хочет познать» [Там же, с. 17].

Эстопсихология Эннекена наследует эту экспликативную и детерминистскую методологию Тэна с той лишь разницей, что акцент ставится на изучении психологии писателя. «Эстопсихология – наука, которая позволяет восходить от изучения отдельных манифестаций духовного мира человека к самому этому миру <...>. Манифестации, которые она анализирует – книги, партитуры, картины, статуи, памятники – все имеют эстетическую природу, т.е. стремятся быть прекрасными и волновать. Однако эстопсихология анализирует их не для того, чтобы определить, в какой степени они достигают идеала красоты, но для того, чтобы понять, каким образом, при помощи каких средств они становятся прекрасными и оригинальными, чтобы затем мы могли извлечь из этой совокупности их художественных особенностей, их однородности в творчестве одного и того же художника представление о своеобразии его психологии <...> Короче говоря, цель эстопсихологии не в том, чтобы оценивать произведения искусства и приемы их создания. Это – задача эстетической

и литературной критики. Эстопсихология рассматривает произведение искусства не как самодостаточный эстетический объект, но лишь в его связях с индивидуальной и социальной психологией, как индикатор душ (“comme révélatrice de certaines âmes”)...» [7, с. 21–22].

Попытки изучать литературу в сходном направлении Эннекен видел в биографической критике Ш. Сент-Бева. Однако, по мнению Эннекена, биографический метод восходил от произведения к психологии писателя лишь спорадически, извлекал свои психологические наблюдения из весьма поверхностного изучения текста, сами эти наблюдения в результате оказывались слишком общими, не представляющими научной ценности. Кроме того, биографическая критика основывала свои умозаключения о внутреннем мире писателя не только на изучении его произведений, но и на косвенных свидетельствах, фактах его биографии, истории его писательской карьеры, изучении его окружения и т.д., что, с точки зрения Эннекена, недопустимо. «Аналитик должен извлекать необходимые указания для исследования души писателя или художника, основываясь только на изучении его творчества» [Там же, с. 65].

Однако есть еще один весьма существенный момент, который отличал психологический метод Эннекена от биографического метода. Если в центре внимания Сент-Бева-критика стояли собственно литературно-эстетические задачи: он хотел «разглядеть в поэте человека» [5, с. 48], чтобы лучше понять творчество писателя, оценить своеобразие его писательской манеры, то мысль Эннекена движется в противоположном

направлении; для него главным оказывается изучение психологии писателя, а литература здесь привлекается лишь как подсобный материал. В этом отношении Эннекен выступает как продолжатель традиции культурно-исторической школы, которая рассматривала литературное произведение как документ определенной исторической эпохи, свидетельство ее нравов, состояния умов, представлений и ценностей с той лишь разницей, что для Эннекена, как и для Овсяннико-Куликовского, литература – род психогаммы, фиксирующей психологические особенности писателя или той социальной общности, к которой он принадлежит. При этом подчеркнем, что такой подход не превращает Эннекена в ученого-психолога, поскольку эстетический анализ видится ему необходимым этапом и первой ступенькой на подходах к психологическому анализу. Понять психологию писателя можно только анализируя особенности содержания и формы его произведений. Этот принцип нашел отражение в самом названии дисциплины – «эстопсихология», фиксирующем эту идею «восхождения» от эстетики к психологии.

Концепция эстопсихологии была реализована Эннекеном в его литературно-критических трудах, в частности в книгах «Этюды научной критики. Писатели, вошедшие в сознание французов. Диккенс, Гейне, Тургенев, По, Достоевский, Лев Толстой» (“Études de critiques scientifique. Écrivains français. Dickens, Heine, Tourguénef, Poe, Dostoievskii, Tolstoï”, 1889) и «Некоторые французские писатели: Флобер, Золя, Гюго, Гонкур, Гюисманс и др. (“Quelques écrivains français: Flaubert, Zola, Hugo, Goncourt, Huysmans etc.”, 1890). Остановимся

на очерке «Лев Толстой», чтобы проиллюстрировать работу психологического метода Эннекена.

В центре внимания Эннекена Толстой-писатель. Очерк представляет собой анализ творчества русского гения. Личность Толстого, его биография, знакомства, семейные и дружеские отношения – все это остается за кадром. Вопреки традиции литературных портретов Сент-Бева, первым делом сообщавшего читателю о времени и месте рождения писателя, его родителях, полученном образовании и воспитании и т.д., Эннекен начинает свой очерк о Толстом с определения места писателя в современной литературе: «Толстой – один из самых великих писателей нашего времени» [6, с. 185]. Далее следует то, что Эннекен называл «эстетической критикой»: анализ поэтики толстовских романов (Эннекен сосредоточивает свое внимание на двух романах Толстого: «Войне и мире» и «Анне Карениной»). Эннекен отмечает бóльший, по сравнению с обычным, объем романов Толстого, характеризует их как “romans massifs”, в которых критика поражает обилие персонажей, представляющих разные слои и группы русского общества, высоко оценивает мастерство психологического анализа Толстого, его тонкую наблюдательность, разбирает приемы создания эффекта правдивости и жизненности персонажей Толстого, констатирует ослабление в романах русского писателя традиционного для романов многих современных английских и французских писателей сюжетного драматизма, на смену которому у Толстого приходит замедленный темп повествования с многочисленными отступлениями от темы, нанизыва-

нием незначительных, на первый взгляд, эпизодов. Эннекен чередует анализ с синтетическими суждениями о своеобразии Толстого-писателя: «Он уникален в своей способности создавать объемные образы, описывать шаг за шагом, неспешно чередуя эпизоды, сцены, детали, эволюцию персонажей, их колебания, ошибки, но одновременно показывать своеобразие и устойчивость характера каждого из этих существ, движущихся от одной цели к другой, от одного этапа своего жизненного пути к следующему. Толстой не ограничивает себя каким-то одним исключительным приемом, чтобы охарактеризовать своих персонажей. Он, как драматург, показывает их слова и поступки в разных ситуациях, подобно Стендалю, дает их внутренние монологи, на манер романистов-идеалистов, вставляет в текст авторские размышления; для него хорошо все, что позволяет ему сделать своих героев “живыми”» [Там же, с. 195–196].

Как и в очерках Овсяннико-Куликовского, многие пассажи в книге Эннекена суть психологические портреты-характеристики героев толстовских романов (Андрея Болконского, Пьера Безухова, Константина Левина и др.) Однако, в отличие от своего русского коллеги, Эннекен дает портреты не только мужских, но и женских героинь Толстого, подчеркивая, что «Толстой преодолевает границы пола, безошибочно воплощается в женщин с таким же искусством перевоплощения, которое свойственно ему, когда речь идет о его персонажах-мужчинах» [Там же, с. 197].

Между тем французский критик не ограничивался нравственно-психологическими характеристиками

героев Толстого. Эннекен был внимательнее, чем Овсяннико-Куликовский, к целому толстовских романов, их форме, стилю, приемам типизации. Однако весь этот предварительный анализ поэтики Толстого – лишь подготовительный этап для выявления особенностей психологии Толстого. «Особенности стиля, построение фраз, композиция, последовательность глав, их количество, развитие сюжета – все эти формальные средства подчинены необходимости соединить в единое целое огромный массив психологических и нравственных фактов, которые будоражат и наполняют душу автора» [6, с. 206].

Эннекен, как уже отмечалось выше, наследуя кое в чем традицию культурно-исторической школы И. Тэна, вместе с тем отмежевывается от свойственного ей представления о литературе как документе эпохи. Он заявляет, что произведения Толстого написаны не для того, чтобы просветить читателя, дать ему больше сведений об эпохе, стране, народе, которые в них изображены. Их цель – «выразить в этой совокупности образов и мыслей мир скрытых и явных чувств, которые испытывал автор, которые сначала существовали в нем как прообраз его книг» [Там же, с. 213]¹.

Особый интерес Эннекен проявляет к проблеме эволюции Толстого, объясняя изменения в стилистике позднего Толстого теми трансформа-

циями, которые произошли во внутреннем мире писателя. Эволюция Толстого-художника описана Эннекеном как движение от объективности и художественной полноты и широты изображения жизни в «Войне и мире», «Анне Карениной» к догматическим и нравоучительным сочинениям религиозно-философского характера позднего Толстого. Эта художественная, эстетическая эволюция – лишь отражение тех перемен, которые произошли в душе писателя, его нравственно-психологической метаморфозы. В представлении Эннекена «Толстой – мечущаяся душа» (“l’âme inquiète”) [Там же, с. 231]. Эннекен конструирует внутренний конфликт Толстого: противоречие между художником и моралистом, между бескорыстной и объективистской созерцательностью Толстого-писателя и субъективистским желанием Толстого-мыслителя и моралиста судить и осуждать мир с моральных позиций. «Противоречие между желанием познавать и невозможностью любить то, что познал и что вызывает отвращение» привело, по мнению Эннекена, к сужению умственного горизонта Толстого и к ослаблению его творческой мощи в поздних произведениях писателя [Там же, с. 233]. Иными словами, Эннекен полагает, что причина перемены в стилистике и проблематике позднего Толстого коренится в душе писателя, в которой нравственное чувство одержало верх над его художническим инстинктом. Для Эннекена психология писателя, а не его мировоззрение или литературные влияния, или изменения в социокультурной ситуации является определяющим фактором его творческой эволюции.

¹ Эннекен неоднократно возвращается к этой мысли в очерке о Толстом: «Все образы, которые наша память являет нам, все чувства, которые она удерживает, сначала существовали и трепетали в душе великого писателя, навсегда запечатленные им в его творчестве» (Hennequin E. *Études de critique scientifique. Écrivains français...* P. 232).

Вместе с тем Эннекена интересует не только психология писателя и ее отражение в его творениях, но и психология читательского восприятия. В этом отношении Эннекена можно считать далеким предтечей рецептивной критики. В одном из пассажей он размышляет о механизмах эстетического воздействия литературного произведения на читателя, таким образом отчасти выходя за границы литературной критики в сферу психологии искусства. «По мере того как произведение разворачивает свои сюжетные ходы и являет читательскому взору толпы, армии, города, сцены, персонажей, чтобы постепенно приоткрыть их души, изобразить их созревающие или стареющие умы и тела, сознание читателя наполняется целым сонмом вымышленных образов, вовлекается посредством внимательного созерцания в это зрелище, которое разворачивает перед широко раскрытыми глазами читателя смутный и точный образ мира, в котором мечутся существа, похожие на него. <...> Вовлеченный в этот мир, взволнованный читатель чувствует, как он постепенно становится этими существами и как, проникая в движения их душ, он оказывается лицом к лицу с самим собой

в те мгновения, когда в улыбке какого-то персонажа он неожиданно ощущает и открывает самую сущность его природы и то, насколько она ему знакома, близка при всей ее удивительной уникальности и сложности» [6, с. 216–217].

Таким образом, в литературоведческих трудах Д.Н. Овсяннико-Куликовского и Э. Эннекена проявилась черта, сближающая русскую и французскую культуру: интерес к психологии, глубинам человеческой души. Показательно, что современник Овсяннико-Куликовского и Эннекена Ф. Ницше высоко ценил традицию французской моралистики (Ф. де Ларошфуко, Ж. де Лабрюйер и др.), а Стендаля называл «последним великим психологом» [2, с. 272]. Другой их современник Э.-М. де Вогюэ, автор знаменитой книги «Русский роман» (1886), отмечал тонкость и глубину психологического анализа в романах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского [8, с. 205–206, 247, 288–289]. Однако во Франции этот углубленный психологизм сочетается с вниманием к форме, в то время как в русской традиции жизнь человеческой психики берется безотносительно к формально-эстетическому компоненту.

Библиографический список

1. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
2. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / пер. с нем. М., 1990.
3. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Лев Николаевич Толстой. Очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей. СПб., 1911.
4. Потемня А.А. Мысль и язык // Хрестоматия по теории литературы. М., 1982.
5. Сент-Бёв Ш.-О. Литературные портреты. Критические очерки / пер. с фр. М., 1970.
6. Hennequin E. Études de critique scientifique. Écrivains français. Paris, 1889.
7. Hennequin E. La critique scientifique. Paris, 1888.
8. Vogüé E.-M. Le roman russe. Paris, 1886.

References

1. Kuznecov V.G. Germenevtika i gumanitarnoe poznanie [Hermeneutics and humanitarian cognition]. Moscow, 1991.
2. Nietzsche F. Sochineniya: V 2 t. [Works. V 2 vols.]. Vol. 2. Transl. from German. Moscow, 1990.
3. Ovsyaniko-Kulikovskij D.N. Lev Nikolaevich Tolstoj. Oчерk ego xudozhestvennoj deyatel'nosti i ocenka ego religioznyx i moralnyx idej. St. Petersburg, 1911.
4. Potebnya A.A. Thought and language. *Khrestomatiya po teorii literatury*. Moscow, 1982. (In Rus.)
5. Sainte-Beuve Ch.O. Literaturnye portrety. Kriticheskie oчерki [Portraits littéraires. Essais critiques]. Transl. from French. Moscow, 1970.
6. Hennequin E. Études de critique scientifique. Écrivains français. Paris, 1889.
7. Hennequin E. La critique scientifique. Paris, 1888.
8. Vogüé E.-M. Le roman russe. Paris, 1886.

Статья поступила в редакцию 15.10.2021, принята к публикации 25.11.2021
The article was received on 15.10.2021, accepted for publication 25.11.2021

Сведения об авторе / About the author

Трыков Валерий Павлович – доктор филологических наук; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Valeriy P. Trykov – ScD in Philology; Professor at the World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: v.trykoff@yandex.ru